

С.Х. Головкина
(Вологда)

**ОБРАЗ МАТЕРИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
АЛЕКСАНДРА РОМАНОВА**

Важную роль в формировании образной картины мира играет система родства, определяющая особенности «своего» (родного) пространства и связей человека с окружающим миром. Как показывают наблюдения, термины родства являются смысловым центром художественного мира Александра Романова. В текстах поэта употребляются как общие обозначения родственных отношений (*род, родной, родимый, рожденный, род-*

ство, родня), так и названия родственников (*мать, отец, сын, дочь, дед*), свойственников (*муж, жена, тесть, теща, свекор, свекровь, золовка, деверь, шурин*).

Нередко эта лексика является частью заглавия стихотворений («Посвящение в Родню», «Колесо родства», «Земля отцов и дедов», «Мать перед портретом отца», «Материнское одеяло», «Материнские шаги», «Блудный сын», «Бабкин сын», «Дочери»), поэм («Мать», «Отец», «Прощание с матерью»). Поэтический текст А. Романова может быть от начала и до конца построен на цепочках терминов родства и свойства. Так, в стихотворении «Колесо родства» каждая строфа содержит такие лексемы (1 строфа – *родство, теща, зять*; 2 строфа – *свекровь, свекор, сноха*; 3 строфа – *шурин, деверь*, 4 строфа – *золовка, кума*; 5 строфа – *божатка*; 6 строфа – *свой, чужой*; 7–9 – *родство*). Используя качественные прилагательные и отвлеченные существительные, поэт вербализует индивидуально-авторские ассоциации, вызванные номинациями («*В ряд со строгим словом «теща» удалое слово «зять»*; «*Веют древностью глухой / И теплом «свекровь» и «свекор» / Вместе с тихой «снохой»*; «*Слово дерзкое «золовка» / С обольстительным «кума»*; *Слово доброе «божатка»*).

В произведениях формируется особая внутритекстовая парадигма родства – своеобразный родственный код, переходящий далее из текста в текст и перерастающий в парадигму межтекстовую. Не случайно Д. Ильин отметил, что этим «ощущением родства, единства, общности» пронизано все творчество А. Романова (Ильин 1984: 111).

Одним из центральных в поэтической картине мира А. Романова является образ матери. «О матери А. Романов сказал много трогательно нежных, добрых слов. Мать для него источник жизни, источник душевной силы, который позволяет устоять на ногах при любых потрясениях...» (Сохнова 1989: 120). Сам Александр Романов в одной из статей так описывает свою мать: «И лицо её пригожее, чистое, сиявшее от молитв, которые я слышал с детства, из памяти обернулось как будто вью, и я увидел свою мать, стоявшую перед иконой Божьей Матери с зажжённой свечкой в руках. И воскрес во мне её голос, и слышал я, как она поминала всю нашу родню, начиная с моего отца, убиенного на Отечественной войне, родителей своих и все шире и дале охватывала поименно наше великое крестьянское родство <...> И люблю мне было чувствовать себя в таком широком и добром круге родства...» (Романова 2008: 9–10). Наблюдения над поэтическими текстами позволяют нам выявить тематические группы слов, называющих внешние и внутренние черты исследуемого образа. Внешних признаков немного: 1) возраст (*старая, старуха, постареть, годы, седая, седина, морщинки*); 2) названия частей тела (*материнская рука, ладонь, взгляд, повлажневшие глаза, мудрые глаза, слабые уста*); 3) детали одежды (*старый сарафан, платок, фуфаячка*

внакидку). Описания облика матери иногда включают сравнения: *«И под платочком тёмным седина – / Как белый отблеск встреченных берёзок»*.

Физические действия матери связаны с крестьянским трудом, домашними заботами (*«всю жизнь работавшая, сеяла хлеб и жала, вышивала, не умела отдыхать, хлопотала по хозяйству»*), эмоциональное состояние матери (она *«вся из печали и любви»*) связано прежде всего с её отношением к сыновьям и к погибшему на войне мужу: *«И отдала всю участь дому, / А сыновьям – любовь свою, / А силу – полюшку родному, / А верность – павшему в бою»* («Прощание с матерью»).

Эмоциональное состояние матери в поэзии А. Романова – чаще это грусть, глубокая печаль, тоска, отчаяние – складывается под воздействием 1) болезни сына (*«Заболел я. Мать в тоске томится... У неё, смотри, тревожный взгляд»*); 2) встреч и расставаний с сыновьями, ожидания писем (*«Вот навестили сыновья – Растаяло в груди...»*; *«Мать тоскует – сын не близко...»*; *«И младший сын уже оставил дом. / Его на пристань провожать пришла / И только тут заплакала при нем – / В последний час сдержаться не могла»*); 3) воспоминаний о муже (*«Вот плачу я, а ты молчишь... / Единственный в судьбе...»*; *«А после с верностью упорной / Не раз, не два по-вдовьи мать / Своё закапывала горе, / Да не сумела закопать...»*). Анастасия Романова отмечает, что «самым важным в одинокой жизни матери поэта было ожидание писем и приезда сыновей» (Романова 2006: 20). Лексемы *слеза, слезный, плакать, заплакать* оказываются одними из наиболее частотных слов, называющих внешние проявления эмоционального состояния матери. Описывая душевные движения, автор нередко прибегает к синестезии: *«И мать душой, конечно, слышит, / Как с ней беседует земля...»*; *«И веют в душу, как трава, - <...> Её последние слова»*; *«И обольется светом сердце, / И это – материнский свет»*.

Внутреннее состояние матери вызывает ответные чувства (грусти, тоски – радости, тревоги – спокойствия), оживляет воспоминания лирического героя (сына), рождает оценочные суждения. Они возникают как: 1) результат наблюдений за действиями матери (*«Она укрыла так любя, / Что сразу мне открыла / И очень малого себя, / И первозданность мира»*); 2) реакция на слова матери (*«Её слова тоской особой / Отозвались в моей душе»*); 3) реакция на предметы, принадлежащие матери, приготовленные ею (*«Жаль, что взял один пирог, / Здесь гостинец твой брусничный / Потянул нас вспоминать / Детство, дом, родной обычай, / И тебе спасибо, мать»*); 4) результат посещения родного дома, встреча с матерью после долгой разлуки, письма от неё (*«Щемит мне сердце близостью такой. / Мы с матерями странно отдалённые. / А тут она вот рядом, под рукой – / И на душе от листопада звоны»*; *«Нет трогательней, откровенней, / Чем письма матери родной. / В них так и веет той деревней / И той отцовской стороной...»*); 5) реакция на состояние здо-

ровья, болезнь, смерть матери («И если шаг у матери проворен, / Душе тепло, что колосу от зерен...»); «Она скончалась. Мир вокруг, Нет, не перевернулся, А потемнел и сжался вдруг. Губ не разжать – слова фальшивы. Им не вместить ни жизнь, ни смерть. Но это боль! <...> Стоим над матерью и плачем, Как в пустоте, совсем одни»).

Мать в поэтической системе А. Романова – воплощение любви и в то же время одиночества. Как справедливо отмечает А.И. Михайлов, материнская забота и любовь, несомненно, то, что подпитывало поэзию А. Романова (Михайлов 1993: 138).

Лирический герой стихотворений полон нежностью к матери, сожаления о быстро уходящем и утраченном времени; о тяготах, выпавших на долю матери; о неотвратимости потери родного человека. А.И. Михайлов обращает внимание на значимый для А. Романова «мотив раскаяния за упущенные возможности утешить мать в её одиночестве сыновним вниманием» (Михайлов 1993: 138). Мысли об этом возвращают поэта в прошлое, оставляют глубокие раны в его душе.

Тема родства в поэзии Александра Романова тесно связана с мотивом памяти. Мать для поэта – связующее звено в цепи поколений, хранительница семьи и памяти рода («Она в душе своей несла / И строгость дедовских заветов, / И древний смысл добра и зла. / Своей и радостью, и грустью, / И глубиной семейных уз / Она сближала с новой Русью / И ту, в далеких звонах, Русь»), после смерти она становится духовной сущностью и заполняет всё пространство, окружающее лирического героя (внутреннее и внешнее): «Она везде, куда ни тронусь, / Она во всем, чем я живу». И это, по мнению А. Михайлова (Михайлов 1993: 138), восстанавливает равновесие мира поэта, нарушенное смертью матери.

Литература

- Ильин Д. «И верным быть родному...» // Север. – 1984. – № 3. – С. 111–117.
Михайлов А. Память искупляющая // Север. – 1993. – № 4. – С. 132–141
Романов А. Русь уходит в нас: Стихотворения и поэмы. – М., 1987.
Романова А. Александр Романов: Думы о России // Вологодский ЛАД. – 2008. – №1. – С. 2–14.
Романова А. Тепло и свет в душе моей. Письма родителей поэта Александра Романова // Вологодский ЛАД. – 2006. – № 3. – С. 6–24.
Сохнова Г. Слово, равное судьбе // Север. – 1989. – № 4. – С. 119–120.